

**«Деколонизация» истории народов СССР
в советской историографии (1920–1930)***

Виталий Тихонов

Институт российской истории РАН,
Москва, Россия

**The Decolonization of the History of USSR's Peoples
in Soviet Historiography (1920–1930)**

Vitaly Tikhonov

Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

This article analyses the anti-colonial discourse in the Soviet historical science of the 1920s and 1930s. The work is based on both published materials and documents from the Archive of the Russian Academy of Sciences. It is demonstrated that the anti-colonial discourse was built as an antithesis to the pre-revolutionary state-national historical narrative and was based on a radical and critical class analysis. In the 1920s, a kind of “historiographical sweep” took place, when, using class analysis, the students of M. N. Pokrovsky revealed the “great power” and “colonial” ideologems of the classics of Russian historical science and their followers. The anti-colonial vector of Soviet historiography was embodied in the historiographical concept of the “history of the peoples of the USSR”. It was assumed that all the peoples of the USSR were to receive a full-fledged place in history. However, since the mid-1930s, there has been a drift from radical revolutionary anti-colonialism towards a more statesmanlike ideology and the development of consolidating concepts. The turning point was the meeting of historians with Stalin in March 1934, after

* Работа выполнена в рамках проекта Российского научного фонда № 23-18-00303 по теме «Советский исторический нарратив: содержание, акторы и механизмы конструирования».

** *Citation*: Tikhonov, V. (2024). The Decolonization of the History of USSR's Peoples in Soviet Historiography (1920–1930). In *Quaestio Rossica*. Vol. 12, № 1. P. 193–208. DOI 10.15826/qr.2024.1.873.

Цитирование: Tikhonov V. The Decolonization of the History of USSR's Peoples in Soviet Historiography (1920–1930) // *Quaestio Rossica*. 2024. Vol. 12, № 1. P. 193–208. DOI 10.15826/qr.2024.1.873 / Тихонов В. «Деколонизация» истории народов СССР в советской историографии (1920–1930) // *Quaestio Rossica*. 2024. Т. 12, № 1. С. 193–208. DOI 10.15826/qr.2024.1.873.

which the process of transition from the concept of “the history of the peoples of the USSR” to “the history of the USSR” was launched, which was fixed in the *Short Course of the History of the USSR* (1937) edited by A. V. Shestakov. The international context also played a significant role in curtailing anti-colonial rhetoric, since there were fears that foreign policy opponents would use this to divide the peoples of the USSR. Historians of the “old school”, who advocated the return to the concepts of pre-revolutionary historiography, also played a certain role in the correction. In turn, these concepts fit better into the current ideological situation and found support in the Central Committee of the CPSU(b). The marginalization of anti-colonial discourse occurs during the war and postwar period.

Keywords: Soviet historiography, anti-colonial discourse, state-national narrative, J. V. Stalin, M. N. Pokrovsky, A. V. Shestakov

Анализируется антиколониальный дискурс в советской исторической науке 1920–1930-х гг. Работа построена как на опубликованных материалах, так и на документах из Архива РАН. Антиколониальный дискурс выстраивался в качестве антитезы дореволюционному государственно-национальному историческому нарративу и строился на радикальном и критическом классовом анализе. В 1920-е гг. прошла своеобразная «историографическая зачистка», когда ученики М. Н. Покровского при помощи классового анализа вскрывали «великодержавные» и «колониальные» идеологемы классиков российской исторической науки и их последователей. Антиколониальный вектор советской историографии воплотился в историографическом концепте «история народов СССР». Предполагалось, что все народы СССР должны были получить полноценное место в истории. Однако с середины 1930-х гг. происходил дрейф от радикального революционного антиколониализма в сторону государственнической идеологии и выработки консолидирующих концептов. Поворотным стало совещание историков со Сталиным в марте 1934 г., после чего был запущен процесс перехода от концепта «история народов СССР» к «истории СССР», что и было закреплено в «Кратком курсе истории СССР» (1937) под редакцией А. В. Шестакова. Значительную роль в свертывании антиколониальной риторики сыграл и международный контекст, поскольку существовали опасения, что для разобщения народов СССР этим воспользуются внешнеполитические противники. Определенная роль в корректировке принадлежит и историкам «старой школы», ратовавшим за возвращение к концептам дореволюционной историографии. Кроме того, эти концепты лучше вписывались в актуальную идеологическую ситуацию и нашли поддержку в ЦК ВКП(б). Маргинализация антиколониального дискурса происходила в военное и послевоенное время.

Ключевые слова: советская историография, антиколониальный дискурс, государственно-национальный нарратив, И. В. Сталин, М. Н. Покровский, А. В. Шестаков

Развитие советской исторической науки 1920–1930-х гг., как правило, рассматривается через призму утверждения в ней марксистской парадигмы и ее подчинения идеологическим нуждам правившего режима [Зеленов; Кондратьев, Кондратьева; Юрганов; Тихонов, 2014; Дубровский]. Данный ракурс, безусловно имеющий право на существование, неизбежно создает эффект противопоставления «правильной» и «неправильной» исторической науки. В роли «белых рыцарей» «правильной» науки выступают те, кого относят к историкам «старой школы», а место «черных рыцарей» прочно закрепилось за историками-марксистами и их лидером М. Н. Покровским.

Между тем гораздо более плодотворным является подход, согласно которому развитие советской исторической науки следует рассматривать не в контексте сохранения или отказа от традиций дореволюционного историописания, а с точки зрения тех новаций, которые были в нее привнесены и отражали глобальные интеллектуальные и идеологические тенденции. В этом смысле историографические поиски советских историков-марксистов 1920–1930-х гг. начинают обретать совершенно другой смысл. В частности, мощный антиколониальный дискурс советской историографии этого времени предстает не идеологизированным отрицанием «нормальной» государственно-патриотической традиции, а построением нового формата презентации исторического нарратива, в котором история (истории) всех народов СССР занимал более или менее равноценное место. По мнению А. Голубева, можно говорить о школе исторического антиколониализма применительно к советской исторической науке 1920–1930-х гг. [Golubev].

В данной статье поставлен ряд вопросов:

- В противостоянии с какой историографической традицией выстраивался антиколониальный дискурс?
- Как он формировался и эволюционировал?
- Насколько он вписывался в советскую национальную политику?
- Почему его постепенно вытеснили из актуальной идеологической и научной повестки?

В статье используется понятие «радикальный антиколониальный дискурс», под которым я понимаю комплекс представлений об исторической вине Российской империи и «великорусов» в порабощении нерусских народов и их нещадной эксплуатации до Октябрьской революции. Особенно ярко такой подход проявлялся в 1920-х – начале 1930-х гг., но затем по мере усиления государственнического вектора в советской идеологии происходило его «редактирование», снижалась острота борьбы с «великорусским шовинизмом», усиливался акцент на «дружбе народов» и особой роли русского пролетариата в победе революции. При этом антиколониальный компонент советской идеологии никуда не делся, но во все большей степени направлялся на критику зарубежного колониализма.

Государственно-национальный исторический нарратив дореволюционной историографии

Исторические нарративы, создававшиеся профессиональной историографией, являлись одновременно как следствием, так и инструментом нациестроительства в Европе последней четверти XVIII – начала XX в. [Иггерс, Ван, с. 138–141]. В XIX в. национальные / государственно-национальные истории пришли на смену всемирным и династическим, превратившись в самый современный и методологически продвинутый на тот момент формат исторического повествования. Национальные нарративы вбирали в себя ключевые компоненты «национального воображения» (историческая миссия нации, ее «естественные границы», цивилизационная идентичность, инвариантные свойства национального характера и т. д.), комбинировали и интерпретировали их в зависимости от общекультурного контекста, актуальной общественно-политической повестки, предпочтений их авторов и заказчиков и т. д.

Едва ли не главной формой их презентации стали так называемые большие нарративы («великие истории») – многотомные труды, охватывающие внушительный хронологический отрезок в стремлении сделать историю нации как можно более древней и великой. В дальнейшем такие нарративы задавали ключевые элементы национального воображения, распространяя свое влияние на все сферы культуры и политики. Эти тексты принято называть мастер-нарративами (*master narratives*). Можно выделить ряд функций таких мастер-нарративов: консолидация отдельных историй (в том числе и разных авторов) и помещение их в более широкий контекст; формирование рамок национальных историй; утверждение единства исторического процесса и его непрерывность [Berkhofer, p. 40–41].

К началу XX в. российская историческая наука благодаря усилиям ее классиков, в первую очередь Н. М. Карамзина, С. М. Соловьева, В. О. Ключевского, построила устойчивый государственно-национальный (общеевропейский) нарратив. Его краеугольными камнями стали вполне типичные для европейского исторического воображения того времени концепты или их вариации. Главными из них стали культ государства и концепция колонизации, презентующая русскую историю как процесс окультуривания пространства обществом и государством. Миф о колонизации можно назвать ключевым компонентом национальной по форме и государственной по содержанию российской историографии. Он придавал истории телеологичность, определяя ее как процесс освоения земель, предназначенных русскому народу и государству. В этом смысле он подпитывал историческую легитимацию Российской империи и ее культуртрегерскую миссию.

Однако со второй половины XIX в. с государственно-национальным нарративом конкурировали различные федералистские и национальные концепции. Н. И. Костомаров, А. П. Щапов, Н. М. Ядрин-

цев, М. С. Грушевский и другие историки все настойчивее предлагали концепции и нарративы, в которых демиургом истории выступали низовая инициатива и национальные силы. Стоит отметить, что представители марксистского направления начала XX в. (М. Н. Покровский, Н. А. Рожков, Г. В. Плеханов и др.) почти не уделяли внимания национальным проблемам, однако акцентировали классовые аспекты исторического процесса, тем самым критически пересматривая базовые установки презентации российской истории.

Дореволюционная историография национальных историй в XIX – начале XX в. представляла собой сложную систему, в которой конкурировало множество форматов историописания, концептуальных подходов и нарративных стратегий. В целом это отражало динамику и противоречия развития самой Российской империи. Можно выделить своеобразный мастер-нарратив, сутью которого было представление об исторически обусловленном расширении России, сочетавшем рост могущества русского народа (нации), завоевания и колонизацию. Он был представлен (где-то в большей, где-то в меньшей степени) в трудах ведущих историков того времени Н. М. Карамзина, С. М. Соловьева, В. О. Ключевского, С. Ф. Платонова, И. Д. Иловайского и др. В упрощенной форме он входил и в официальную идеологию. Спецификой мастер-нарратива являлось то, что он пытался сочетать ряд компонентов: 1) династическую историю (впрочем, во второй половине XIX в. она становилась все менее акцентированной); 2) национально-государственную историю, когда русские рассматривались в качестве «исторического народа», воплощением чего и стала великая империя; 3) христианский (православный) мессианиззм, к концу XIX в. трансформировавшийся в представление о культурной миссии России как форпоста Европы в Азии; 4) экспансионизм, военный и хозяйственный (концепция колонизации), объясняемый комплексом представлений, в том числе и о «естественных исторических рубежах»; 5) представление о достаточно успешной ассимиляции инородцев или их инкорпорации в имперскую систему.

По мере роста национального сознания на окраинах империи, развития здесь местных образовательных и интеллектуальных центров возникали и конкурирующие исторические концепции и нарративы, в которых конструировалась национальная идентичность, противопоставляемая общеимперской и подрывающая ее.

Критика государственно-национального исторического нарратива в советской историографии 1920-х гг.

Первая мировая война, революционные события и Гражданская война катализировали рост национального сознания народов бывшей Российской империи. Некоторые национальные регионы добились полного суверенитета, а другие приобрели пусть и кратковременный, но оттого не менее волнующий опыт независимости. Большевики не могли игнорировать волну национальных движений,

более того – они стремились ее использовать в революционных целях. В представлениях большевиков национализм нерусских народов являлся реакцией на классовые проблемы и политику национального угнетения, проводившуюся русским царизмом. Кроме того, большевики рассчитывали направить в революционную струю национальные движения во враждебных буржуазных государствах. Именно это обусловило мощный антиколониальный пафос советской идеологии 1920-х гг. [Мартин, с. 17–21].

Победа большевиков кардинально перевернула ситуацию в исторической науке, разрушила сложившиеся иерархии и перенаправила господствующие тенденции. Главным историком оказался М. Н. Покровский, занимавший ряд ключевых постов в системе науки и образования и ставший ректором Института красной профессуры (ИКП). Одним из важнейших шагов по утверждению новой марксистской исторической науки Покровский считал разоблачение дореволюционной «дворянской» и «буржуазной» историографии. Как марксист он считал, что за историческими текстами скрывается идеология господствовавших классов, направленная на упрочение их власти. Следовательно, для победы над идеологическими противниками следует «взломать шифр», то есть скинуть ту «идеологическую оболочку» объективизма, за которой прячется эксплуататорская направленность их трудов [Покровский].

Покровский резко критиковал династический формат официального историописания и концепцию надклассовой сущности государства в России. В предложенной им системе координат Русское государство выступало инструментом удержания власти господствующих классов и, кроме того, порабощения нерусских народов, история которых буквально поглощалась государственно-национальным нарративом. Особое внимание Покровский уделял разоблачению националистических и имперских элементов историописания.

Он подчеркивал колониальную сущность Российской империи, называл мифом утверждения об особой цивилизационной миссии великороссов или представления о практически бесконфликтной ассимиляции нерусских народов. Покровский считал Российскую империю типичной европейской колониальной державой, экономически и культурно эксплуатирующей захваченные колонии. Расширение российского государства объяснялось не через призму типичной для дореволюционной историографии концепции колонизации, а через призму концепции колониализма. В его понимании русский «военно-феодалный империализм», подталкиваемый торговым и отчасти промышленным капитализмом, проводил активную экспансионистскую политику, захватывая при помощи завоеваний источники сырья и создавая рынки сбыта.

В ИКП Покровский организовал специальный историографический семинар, участники которого готовили доклады, посвященные анализу исторических трудов с классовой точки зрения [Артизов].

В 1927 и 1930 гг. из печати вышло два историографических сборника, подготовленных участниками семинара [Русская историческая литература, вып. 1, 2]. З. В. Лозинский подготовил очерк, анализирующий наследие С. М. Соловьева. Работа носила говорящее название: «С. М. Соловьев – историк великодержавной России». В ней Соловьев был назван «историком-националистом», поскольку, по мнению Лозинского, он концентрировался на истории великорусов, игнорировал историю нерусских народов, а при помощи концепции противостояния «леса и степи» обосновывал территориальные захваты Московского государства и Российской империи [Лозинский].

М. А. Рубач, работавший в Украинской ССР, подготовил очерк об историках-федералистах, к которым отнес Н. И. Костомарова, А. П. Щапова, М. П. Драгоманова и др. Он с пафосом писал:

Призванные разрушить схему единой русской истории и «собираения всяя Руси» в единую неделимую державу, федералистические теории расчленяют ее на составные части, из которых она некогда «собиралась». На ее развалинах они строят ряд самостоятельных собственных историй, давая историческое обоснование национально-государственному возрождению национально угнетенных народов [Рубач, с. 25].

Здесь же Рубач коснулся и фигуры М. С. Грушевского, отрицавшего общерусскую историю. В статье подчеркивалось, что федералистские концепции до определенного момента объективно играли демократическую роль и помогали вернуть субъектность угнетенным народам, хоть и носили буржуазный характер и продуцировали развитие местного национализма.

Против «великодержавного» взгляда на историю нерусских народов выступал и другой выпускник ИКП – А. В. Шестаков. Помимо прочего, его непосредственной специализацией являлась история Средней Азии. В неопубликованной статье «Проблемы истории народностей Востока в русской истории» (1925) он писал:

Мы стоим перед фактом необходимости соответствующей «ревизии» в изучении русской истории, перед необходимостью внести в нее нужные поправки с точки зрения того политического положения, в которое сейчас поставлена старая Россия, замененная Союзом ССР, т. е. союзом тех народностей, которые на равных правах с великорусами строят свою историю, строят социализм. И под углом этого строительства социализма с точки зрения преодоления «отсталых общественных укладов», с точки зрения внекапиталистического развития отдельных частей и народов нашего Союза настала пора решительного пересмотра старых исторических концепций и создания новой истории, истории народов СССР [АРАН. Ф. 638. Оп. 1. Д. 177. Л. 5].

В 1930-е гг. именно Шестаков станет ведущим лектором по истории народов СССР в московских вузах.

В 1930 г. вышло библиографическое пособие Е. Я. Драбкиной, сотрудницы Коммунистической академии. В издании суммировались и характеризовались основные работы (в том числе и «немарксистские») по национально-колониальной проблематике. Правильной объявлялась концепция Покровского. Пособие было пронизано идеями радикального антиколониализма [Драбкина].

Накал разоблачительной критики пришелся на 1930–1931 гг., когда ряд историков (например, С. Ф. Платонов, М. К. Любавский, С. В. Бахрушин и др.), ассоциировавшихся с традициями дореволюционной историографии, были арестованы по так называемому «академическому делу». С. А. Пионтковский представил ряд докладов и подготовил книгу с говорящим названием «Буржуазная историческая наука в России», в которой подвергал разгрому «остатки» буржуазной историографии – работы С. Ф. Платонова, С. В. Бахрушина, М. К. Любавского, А. Е. Преснякова, в которых автор обнаружил проявления «национал-шовинизма».

В 1920-е гг. советская историография прошла стадию «историографической зачистки» государственно-национального нарратива. Эта критика носила радикальный (и во многом несправедливый с точки зрения научной этики) характер. Антиколониальный пафос советских историков-марксистов подпитывался не только борьбой с «идеологией царизма», но и надеждами на мировую революцию, в которой угнетенные колониальные народы вольются в революционные ряды.

Историкам во главе с М. Н. Покровским в значительной степени удалось при помощи критического классового анализа выявить и гипертрофированно заострить «родовые пороки» государственно-национального взгляда на историю нерусских народов (отказ им в исторической субъектности, замалчивание насилия со стороны Русского государства и т. д.). Однако радикальной критики было мало, нужно было что-то предложить взамен. Именно так появился масштабный проект отказа от привычного исторического нарратива и создания нового формата национальных историй, в котором каждый народ Советского Союза должен был обрести равные со всеми права.

От «Истории народов СССР» – к «Истории СССР»

На I Всесоюзной конференции историков-марксистов (28 декабря 1928 г. – 4 января 1929 г.) вместо привычной секции истории России была организована секция истории народов СССР. М. Н. Покровский объяснял это следующим образом:

Мы поняли – чуть-чуть поздно – что термин «русская история» есть контрреволюционный термин, одного издания с трехцветным флагом и «единой, неделимой». <...> История угнетенных народов не может не упоминать об истории народа-угнетателя, но отсюда заключать к их тождеству было бы величайшей бессмыслицей [Труды Первой Всесоюзной конференции историков-марксистов, с. IX].

На этом же заседании произошел важный инцидент, связанный сукраинской делегацией. Сотрудник Украинского института марксизма-ленинизма З. Н. Гуревич заявил, что в русской историографии советского периода все еще остаются «отрывки великодержавного шовинизма» [Труды Первой Всесоюзной конференции историков-марксистов, с. 440]. Украинские делегаты выражали сомнение, что историки из РСФСР могут разрабатывать украинскую тематику, избежав при этом русификаторства. Данный демарш обнажал ключевые точки напряжения в среде советских историков. Во-первых, он стал проявлением мощной национал-коммунистической линии [Мартин, с. 291–375], вызывавшей все большее опасение союзного центра. Во-вторых, ставилась под сомнение центральная роль Общества историков-марксистов. Предполагалось, что оно будет выполнять координирующую функцию в масштабе всего СССР, но историки с Украины ставили эти амбиции под сомнения. Однако в 1930–1931 гг. по всему Союзу прошли зачистки, напрямую коснувшиеся историков «старой школы» и национал-коммунистов. Препятствия для создания централизованной модели были устранены. Однако не Общество историков-марксистов оказалось в центре этого проекта. Его создатель М. Н. Покровский в начале 1930-х гг. терял позицию за позицией, а в 1932 г. умер. В этой ситуации на первый план вышел Институт истории Коммунистической академии.

Важным фактором выстраивания новой модели истории народов СССР стало начало масштабной мобилизационной кампании – «Великого перелома» («наступление социализма по всему фронту»). Помимо прочего, «Великий перелом» включал и мобилизацию наций, то есть их форсированное развитие, позволяющее высвободить их «социокультурную энергию» и направить ее на построение социализма [Хирш]. Одновременно пришли в движение и важные идеологические процессы. Можно было наблюдать, как радикальная революционная и интернациональная риторика все больше разбавляется государственным идеологиемами [Бранденбергер].

Работу по проблеме создания национальных историй подстегнул XVII съезд ВКП(б), прошедший с 26 января по 10 февраля 1934 г. По его итогам в рупоре советской историографии, журнале «Историк-марксист», было объявлено:

...Историки могут и должны показать конкретно, как изменялось лицо нашей страны, как все зависимые и угнетаемые царизмом, отстающие экономически, политически и культурно колонии царской России превращались в бурно растущие национально-автономные республики, ликвидирующие свою вековую отсталость только в условиях диктатуры пролетариата [Историческую науку на уровень великих задач, с. 8].

Предполагалось, что изучение истории народов СССР позволит преодолеть пережитки национализма. Одинаково клеймились великодержавный и местный национализм.

В начале 1934 г. на базе Института истории Комкадемии и Института национальностей СССР ЦИК СССР предполагалось проведение всесоюзного совещания по проблеме подготовки обобщающей истории СССР и отдельных историй советских республик [АРАН. Ф. 359. Оп. 1. Д. 273, 303]. Однако совещание не провели. Можно предположить, что причиной тому стал резкий поворот на «историческом фронте», связанный со школьными учебниками по истории.

Поворотной можно считать мартовскую встречу 1934 г. историков с И. В. Сталиным, который раскритиковал на ней существовавшие тогда учебники истории. Помимо прочего, он указал, что необходима не «история народов СССР», а «история СССР», поскольку «русский народ в прошлом собирал другие народы, к такому же собирательству он приступил и сейчас» [Дневник историка С. А. Пионтковского, с. 487–488]. Казалось бы, разница между «историей народов СССР» и «историей СССР» незначительная. Однако в первом случае акцент делался на историческом равноправии народов и их исторической субъектности, а во втором – на развитии государственных форм. Идеологически это обосновывалось тем, что СССР стал настоящей родиной пролетариата, воплощением завоеваний революции, где все народы обрели равноправие. Но в реальности революционный и антиколониальный пафос снижался и постепенно вытеснялся новым культом государства. В публичное пространство внедрялись новые актуальные идеологемы: «советский патриотизм», «советский народ», «дружба народов» [Виноградов; Brandenberger; Tillett; Whittington; Тихонов, 2022].

Огромное влияние оказывал и внешнеполитический фактор. СССР изначально воспринимал себя в качестве осажденной крепости. Это усиливалось по мере роста напряженности международной обстановки. Приход фашистов к власти во многих странах Европы рассматривался в том числе и как «историографический вызов», поскольку те активно апеллировали к истории в обосновании своих претензий. В этом контексте акцент на СССР как на нечто единое, а не сумму «народов СССР», выглядел реализацией данной установки.

Впрочем, данная установка (пока неофициальная) не сразу изменила подход к презентации истории народов СССР. На протяжении середины 1930-х гг. историографические концепты «история народов СССР» и «история СССР» сосуществовали и даже могли быть взаимозаменяемыми. В официальной исторической политике сохранялся мощный антиколониальный компонент.

Переломным можно считать 1937 г., когда вышел «Краткий курс истории СССР» под редакцией А. В. Шестакова. В его подготовке непосредственное участие принимал Сталин. Во многом именно его правки снижали радикальность критики политики царизма по отношению к нерусским народам.

Стоит указать, что определенную роль в этой корректировке сыграли и рецензии историков «старой школы», написанные на рукопись учебника. В них они часто ратовали за возрождение по крайней

мере некоторых компонентов дореволюционного государственно-национального нарратива. Например, С. Б. Веселовский в рецензии на «Краткий курс истории СССР» писал:

Двухвековой процесс продвижения русского народа от берегов Оки до Черного моря, так наз. наступление на степь, «проглочен», если можно так выразиться, авторами учебника. Я считаю это большим пробелом, так как в этом наступлении великорусы и украинцы совершили большое культурно-ценное дело и проявили большую силу духа и упорства, временами доходящих до героизма, заселяя под ударами кочевников никем не занятые и не обрабатываемые пустые земли [АРАН. Ф. 638. Оп. 4. Д. 24. Л. 9].

Фактически речь идет об отказе от концепции колониализма и возврату к концепции колонизации. Рецензия обратила на себя внимание в аппарате ЦК ВКП(б), и ее копию передали А. В. Шестакову.

После публикации «Краткого курса истории СССР» в программах и институциональной структуре исторического образования окончательно утвердилась «история СССР» [Тихонов, 2023]. Однако произошедший поворот не был очевиден для многих современников, во многом из-за того, что он произошел явочным порядком и никто не разъяснил новых «правил игры». Показателен пример с дискуссией по поводу структуры академической «Истории СССР», которую готовили в Институте истории АН СССР [Тихонов, 2021]. Разработчиком программы ее написания выступил заместитель директора института Ф. Д. Кретов, ранее занимавший высокие должности в советской системе управления наукой, в частности, в 1935–1936 гг. он являлся заведующим отделом науки ЦК ВКП(б). В проекте (датирован 10 июня 1937 г.) он указывал:

История СССР – это никак не русская история, не история только Руси, а история всех народов, которые вошли в состав СССР; это такая история, в которой история Великороссии не должна отрываться от истории других народов, и наоборот... Все народности и народы СССР являются не случайными и не временными обитателями, а естественными законными хозяевами нашего Великого Дома, который теперь навсегда очищен от эксплуататоров всех мастей [АРАН. Ф. 1577. Оп. 6. Д. 115. Л. 1–2].

Проект поражал масштабами. По замыслу его автора, в «Истории СССР» должна была отразиться история всех народов страны вне зависимости от их численности и значимости. Предыдущий вариант проекта был утвержден на заседании Президиума АН СССР 27 октября 1936 г. [Там же. Д. 13].

Казалось бы, именно он ляжет в основу многотомной «Истории СССР». Однако против этого выступили как историки «старой школы» (С. В. Бахрушин, А. Н. Самойлович, И. А. Орбели), так и бывшие

выпускники ИКП [АРАН. Ф. 1577. Оп. 6. Д. 162. Л. 29 об. – 30 об.]. Окончательные причины провала проекта Ф. Д. Кретьова неизвестны. Очевидно, что протесты нашли поддержку в ЦК ВКП(б). Тем более, что это хорошо вписывалось в общую тенденцию отказа от радикального антиколониального дискурса и перехода к историческому нарративу, в котором педалировались консолидирующие факторы и события, все больше акцентировалась роль русских и их государственной и революционной традиции. Впрочем, окончательно эта идеология закрепится уже в годы войны. Тогда же целый ряд народов будет подвергнут репрессиям по принципу коллективной вины и депортирован.

Отказ от радикального антиколониального дискурса был связан и с внешнеполитическим контекстом [Yilmaz]. Возникали серьезные опасения, что красочными описаниями зверств русских колонизаторов советские историки помогают потенциальному противнику. Например, при обсуждении в Институте истории АН СССР 4 декабря 1937 г. того, как представить историю Сибири в учебниках, А. М. Панкратова прямо говорила:

Сейчас Япония, японские историки выдвигают такого рода теорию, что Сибирь – это не русский край. Сибирь – это завоеванный русскими край, а, по существу, это край, где жили такие народы, как эвенки и тунгусы, в значительной мере происхождения монголо-китайского, ближе к Японии, чем к России.

В этой связи возникал важный вопрос:

Должны ли мы показать Сибирь просто как колонию или же подчеркнуть ее особенность как освоенной русскими переселенцами русской земли [Институт истории Академии наук СССР, с. 252].

Разумеется, в таких условиях требовалось снизить антиколониальный пафос.

Постепенно на смену таким риторическим единицам, как «колониальное завоевание», «грабеж», «эксплуатация», в советский исторический нарратив пришли другие – «освоение», «присоединение», «воссоединение» и т. п.

* * *

Отличительной чертой советской историографии 1920-х гг. (во всяком случае, ее большевистской части) являлся ее радикальный антиколониальный дискурс. Он выстраивался в качестве антитезы дореволюционному историческому нарративу и первоначально во многом представлял собой критику построений классиков дореволюционной историографии. Используя критический классовый подход, молодые ученики М. Н. Покровского выявляли классовую

сущность историков прошлого и настоящего, оценивая их труды как форму легитимации идеологического господства правящих классов, оправдания колониальных захватов и угнетения нерусских народов.

Инструментом переформатирования сложившегося канона историописания стал историографический концепт «история народов СССР», противопоставлявшийся «истории России / русской истории». Его сущность состояла в переходе от исторического нарратива, построенного на территориальной экспансии Русского государства, к нарративу, в котором все народы Советского Союза получили бы равные права и стали бы субъектами исторического процесса.

В должной мере реализовать данный проект не получилось, поскольку с середины 1930-х гг. советская историческая политика все больше отходила от радикального революционного дискурса и дрейфовала в сторону более патриотической и государственнической идеологии, в которой разоблачающий пафос заменялся консолидирующими концептами и нарративами. В определенной степени произошел возврат к дореволюционному наследию, обильно одобренному классовым подходом. Во время войны и особенно в послевоенное время утвердилась схема, согласно которой народы Советского Союза исторически устремлялись друг к другу, особенно к «старшему брату» – русскому народу. А акцентированный антиколониальный пафос предыдущих десятилетий воспринимался в качестве «детской болезни левизны».

Библиографические ссылки

АРАН. Ф. 359. Оп. 1. Д. 273, 303; Ф. 638. Оп. 1. Д. 177; Оп. 4. Д. 24; Ф. 1577. Оп. 6. Д. 13, 115, 162.

Артизов А. Н. Историографические семинары М. Н. Покровского // История и историки. 1995. М. : Наука, 1995. С. 185–199.

Бранденбергер Д. Сталинский руссоцентризм : Советская массовая культура и формирование русского национального самосознания (1931–1956 гг.). М. : Полит. энцикл., 2017. 407 с.

Виноградов И. Жизнь и смерть советского понятия «дружба народов» // Cahiers du Monde russe. 1995. № 4 (36). Р. 455–462.

Дневник историка С. А. Пионтковского (1927–1934) / отв. ред. и вступ. ст. А. Л. Литвина. Казань : Казан. гос. ун-т, 2009. 516 с.

Драбкина Е. Я. Национальный и колониальный вопрос в царской России : пособие для вузов, комвузов и самообразования. М. : Изд. Коммунистич. акад., 1930. 189 с.

Дубровский А. М. Власть и историческая мысль в СССР (1930–1950-е гг.). М. : Полит. энцикл., 2017. 621 с.

Зеленов М. В. Аппарат ЦК РКП(б) – ВКП(б), цензура и историческая наука в 1920-е годы. Н. Новгород : Нижполиграф, 2000. XVI, 538 с.

Иггерс Г., Ван Э. Глобальная история современной историографии. М. : Канон «1» : РООИ «Реабилитация», 2012. 432 с.

Институт истории Академии наук СССР в документах и материалах. Вып. 1 / отв. ред. А. Н. Сахаров. М. : ИРИ РАН, 2016. 317 с.

Историческую науку на уровень великих задач : (Итоги XVII съезда ВКП(б) и задачи большевистских историков) // Историк-марксист. 1934. № 2. С. 3–10.

Кондратьев С. В., Кондратьева Т. Н. Наука «убеждать», или Споры советских историков о французском абсолютизме и классовой борьбе (20-е – начало 50-х гг. XX века). Тюмень : Мандр и К°, 2003. 272 с.

Лозинский З. С. М. Соловьев – историк великодержавной России // Русская историческая литература в классовом освещении : сб. ст. / предисл., под ред. М. Н. Покровского. Вып. 1. М. : Изд. Коммунистич. акад., 1927. С. 205–276.

Мартин Т. Империя «положительной деятельности» : Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М. : РОССПЭН, 2011. 855 с.

Покровский М. Н. «Идеализм» и «законы истории» // Покровский М. Н. Историческая наука и борьба классов: историогр. очерки, критич. ст. и заметки : в 2 т. 2-е изд. М. : URSS, 2012. Т. 2. С. 36–37.

Рубач М. А. Федералистские теории в истории России // Русская историческая литература в классовом освещении : сб. ст. / предисл., под ред. М. Н. Покровского. Вып. 2. М. : Изд. Коммунистич. акад., 1930. С. 3–120.

Русская историческая литература в классовом освещении : сб. ст. / предисл., под ред. М. Н. Покровского. Вып. 1. М. : Изд. Коммунистич. акад., 1927. 422 с.

Русская историческая литература в классовом освещении : сб. ст. / предисл., под ред. М. Н. Покровского. Вып. 2. М. : Изд. Коммунистич. акад., 1930. 416 с.

Тихонов В. В. Историки, идеология, власть в России XX века : очерки. М. : Ин-т рос. истории РАН, 2014. 217 с.

Тихонов В. В. Как «История народов СССР» стала «Историей СССР»: к вопросу о трансформации идеологических установок советского курса истории в 1930-е годы // Россия и современный мир. 2023. № 4 (121). С. 168–182. DOI 10.31249/rsm/2023.04.10.

Тихонов В. В. От «СССР-цев» до «советского народа»: в поисках единства на 1/6 суши планеты Земля // Новое прошлое / The New Past. 2022. № 4. С. 188–201. DOI 10.18522/2500-3224-2022-4-188-201.

Тихонов В. В. «С русским размахом и американской деловитостью»: коллективные и индивидуальные формы организации исследований в Институте истории АН СССР // Рос. история. 2021. № 5. С. 144–154. DOI 10.31857/S086956870016624-7.

Труды Первой Всесоюзной конференции историков-марксистов. 28.XII.1928–4.I.1929. Т. 1–. М. : Изд. Коммунистич. акад., 1930. XV, 558 с.

Хирш Фр. Империя наций : Этнографическое знание и формирование Советского Союза. М. : Новое лит. обозрение, 2022. 472 с.

Юрганов А. Л. Русское национальное государство. Жизненный мир историков эпохи сталинизма. М. : РГГУ, 2011. 763 с.

Berkhofer R. F., jr. Beyond the Great History as Text and Discourse. Cambridge ; L. : Harvard Univ. Press, 1995. XII, 381 p.

Brandenberger D. Global in Form, Soviet in Content: The Changing Semantics of Internationalism in Official Soviet Discourse, 1917–1991 // The Russian Rev. 2021. № 80. P. 2–20. DOI 10.1111/russ.12331.

Golubev A. No Natural Colonization: The Early Soviet School of Historical Anti-Colonialism // Canadian Slavonic Papers. 2023. № 2 (65). P. 190–204. DOI 10.1080/00085006.2023.2199556.

Tillett L. The Great Friendship: Soviet Historians on the Non-Russian Nationalities. Chapel-Hill : Univ. of North Carolina Press, 1969. X, 468 p.

Whittington A. Making a Home for the Soviet People: World War II and the Origins of the Sovetskii Narod // Empire and Belonging in Eurasian Borderlands. Ithaka ; L. : Cornell Univ. Press, 2019. P. 147–149.

Yilmaz H. National Identities in Soviet Historiography: The Rise of Nations under Stalin. L. ; N.Y. : Routledge, 2015. 256 p.

References

ARAN [Archive of the Russian Academy of Sciences]. Stock 359. List 1. Dos. 273, 303; Stock 638. List 1. Dos. 177; List 4. Dos. 24; Stock 1577. List 6. Dos. 13, 115, 162.

Artizov, A. N. (1995). *Istoriograficheskie seminary M. N. Pokrovskogo* [M. N. Pokrovsky's Historiographical Seminars]. In *Istoriya i istoriki. 1995*. Moscow, Nauka, pp. 185–199.

Berkhofer, R. F., jr. (1998). *Beyond the Great History as Text and Discourse*. Cambridge, L., Harvard Univ. Press. XII, 381 p.

Brandenberger, D. (2017). *Stalinskii russotsentrizm. Sovetskaya massovaya kul'tura i formirovanie russkogo natsional'nogo samosoznaniya (1931–1956 gg.)* [Stalin's Russocentrism: Soviet Mass Culture and the Formation of Russian National Identity (1931–1956)]. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya. 407 p.

Brandenberger, D. (2021). Global in Form, Soviet in Content: The Changing Semantics of Internationalism in Official Soviet Discourse, 1917–1991. In *The Russian Rev.* No. 80, pp. 2–20. DOI 10.1111/russ.12331.

Drabkina, E. Ja. (1930). *Natsional'nyi i kolonial'nyi vopros v tsarskoi Rossii. Posobie dlya vuzov, komvuzov i samoobrazovaniya* [The National and Colonial Question in Tsarist Russia. Manual for Universities, Communist Universities and Self-Education]. Moscow, Izdatel'stvo Kommunisticheskoi akademii. 189 p.

Dubrovskii, A. M. (2017). *Vlast' i istoricheskaya mysl' v SSSR (1930–1950-e gg.)* [Power and Historical Thought in the USSR (1930s–1950s)]. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya. 621 p.

Golubev, A. (2023). No Natural Colonization: The Early Soviet School of Historical Anti-Colonialism. In *Canadian Slavonic Papers*. No. 2 (65), pp. 190–204. DOI 10.1080/00085006.2023.2199556.

Hirsh, Fr. (2022). *Imperiya natsii. Etnograficheskoe znanie i formirovanie Sovetskogo Soyuza* [Empire of Nations. Ethnographic Knowledge and the Formation of the Soviet Union]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 472 p.

Iggers, G., Van, Je. (2012). *Global'naya istoriya sovremennoi istoriografii* [The Global History of Modern Historiography]. Moscow, Kanon"1", ROOI "Reabilitatsiya". 432 p.

Istoricheskuyu nauku na uroven' velikikh zadach. (Itogi XVII s"ezda VKP(b) i zadachi bol'shevistskikh istorikov) [Historical Science to the Level of Great Tasks (The Results of the 17th Congress of the CPSU (b) and the Tasks of Bolshevik Historians)]. (1934). In *Istoriik-marksist*. No. 2, pp. 3–10.

Kondrat'ev, S. V., Kondrat'eva, T. N. (2003). *Nauka "ubezhdat'", ili Spory sovetskikh istorikov o frantsuzskom absolyutizme i klassovoi bor'be (20-e – nachalo 50-kh gg. XX veka)* [The Science of "Persuasion", or the Disputes of Soviet Historians about French Absolutism and Class Struggle (1920s – Early 1950s)]. Tyumen, Mandr i Co. 272 p.

Litvina, A. L. (Ed.). (2009). *Dnevnik istorika S. A. Piontkovskogo (1927–1934)* [Diary of Historian S. A. Piontkovsky (1927–1934)]. Kazan, Kazanskii gosudarstvennyi universitet. 516 p.

Lozinskii, Z. (1927). S. M. Solov'ev – istorik velikoderzhavnoi Rossii [S. M. Solovyov – Historian of Great Power Russia]. In *Russkaya istoricheskaya literatura v klassovom osveshchenii. Sbornik statei / preface*, ed. by M. N. Pokrovsky. Iss. 1. Moscow, Izdanie Kommunisticheskoi akademii, pp. 205–276.

Martin, T. (2011). *Imperiya "polozhitel'noi deyatel'nosti". Natsii i natsionalizm v SSSR, 1923–1939* [The Affirmative Action Empire. Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939]. Moscow, ROSSPEN. 855 p.

Pokrovsky, M. N. (2012). "Idealizm" i "zakony istorii" ["Idealism" and "Laws of History"]. In Pokrovsky, M. N. *Istoricheskaya nauka i bor'ba klassov. Istoriograficheskie ocherki, kriticheskie stat'i i zametki v 2 t. 2nd Ed.* Moscow, URSS. Vol. 2, pp. 36–37.

Pokrovsky, M. N. (Ed.). (1927). *Russkaya istoricheskaya literatura v klassovom osveshchenii. Sbornik statei* [Russian Historical Literature in Class Coverage. Collection of Articles]. Iss. 1. Moscow, Izdanie Kommunisticheskoi akademii. 422 p.

Pokrovsky, M. N. (Ed.). (1930). *Russkaya istoricheskaya literatura v klassovom osveshchenii. Sbornik statei* [Russian Historical Literature in Class Coverage. Collection of Articles]. Iss. 2. Moscow, Izdanie Kommunisticheskoi akademii. 416 p.

Rubach, M. A. (1930). Federalistskie teorii v istorii Rossii [Federalist Theories in the History of Russia]. In Pokrovsky, M. N. (Ed.). *Russkaya istoricheskaya literatura v klassovom osveshchenii. Sbornik statei*. Iss. 2. Moscow, Izdanie Kommunisticheskoi akademii, pp. 3–120.

Sakharov, A. N. (Ed.). (2016). *Institut istorii Akademii nauk SSSR v dokumentakh i materialakh*. [Institute of History of the USSR Academy of Sciences in Documents and Materials]. Iss. 1. Moscow, Institut rossiiskoi istorii RAN. 317 p.

Tikhonov, V. V. (2014). *Istoriki, ideologiya, vlast' v Rossii XX veka. Ocherki* [Historians, Ideology, and Power in 20th-Century Russia]. Moscow, Institut rossiiskoi istorii RAN. 217 p.

Tikhonov, V. V. (2023). *Kak "Istoriya narodov SSSR" stala "Istoriei SSSR": k voprosu o transformatsii ideologicheskikh ustanovok sovetskogo kursa istorii v 1930-e gody* [How the "History of the Peoples of the USSR" Became the "History of the USSR": On the Question of the Transformation of the Ideological Attitudes of the Soviet Course of History in the 1930s]. In *Rossiia i sovremennii mir*: No. 4 (121), pp. 168–182. DOI 10.31249/rsm/2023.04.10.

Tikhonov, V. V. (2022). *Ot "SSSR-tsev" do "sovetskogo naroda": v poiskakh edinstva na 1/6 sushy planety Zemlya* [From the "USSR-people" to the "Soviet People": In Search of Unity on the 1/6 of the Earth's Landmass]. In *Novoe proshloe / The New Past*. No. 4, pp. 188–201. DOI 10.18522/2500-3224-2022-4-188-201.

Tikhonov, V. V. (2021). *"S russkim razmakhom i amerikanskoj delovitost'iyu": kollektivnye i individual'nye formy organizatsii issledovaniy v Institute istorii Akademii nauk SSSR* ["With Russian Scope and American Efficiency": Collective and Individual Forms of Research Organization at the Institute of History of the USSR Academy of Sciences]. In *Rossiiskaya istoriya*. No. 5, pp. 144–154. DOI 10.31857/S086956870016624-7.

Tillett, L. (1969). *The Great Friendship: Soviet Historians on the Non-Russian Nationalities*. Chapel-Hill, Univ. of North Carolina Press. X, 468 p.

Trudy Pervoi Vsesoyuznoi konferentsii istorikov-marksistov. 28.XII.1928–4.I.1929 [Proceedings of the First All-Union Conference of Marxist Historians. 28.XII.1928–4.I.1929]. (1930). Vol. 1–. Moscow, Izdanie Kommunisticheskoi akademii. XV, 558 p.

Vinogradov, I. (1995). *Zhizn' i smert' sovetskogo ponyatiya "druzhiba narodov"* [The Life and Death of the Soviet Concept of the "Friendship of Peoples"]. In *Cahiers du Monde russe*. No. 4 (36), pp. 455–462.

Whittington, A. (2019). Making a Home for the Soviet People: World War II and the Origins of the Sovetskii Narod. In *Empire and Belonging in Eurasian Borderlands*. Ithaka, L., Cornell Univ. Press, pp. 147–149.

Yilmaz, H. (2015). *National Identities in Soviet Historiography: The Rise of Nations under Stalin*. L., N. Y., Routledge. 256 p.

Yurganov, A. L. (2011). *Russkoe natsional'noe gosudarstvo. Zhiznennyi mir istorikov epokhi stalinizma* [The Russian National State. The Life World of Historians of the Stalin Era]. Moscow, Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet. 763 p.

Zelenov, M. V. (2000). *Apparat TsK RKP(b) – VKP(b), tsenzura i istoricheskaya nauka v 1920-e gody* [The Apparatus of the Central Committee of the RCP(b) – the CPSU(b), Censorship and Historical Science in the 1920s]. Nizhny Novgorod, Nizhpoligraf. XVI, 538 p.

The article was submitted on 01.12.2023